

МОНОЛОГ

Для начала я хочу точно обозначить тот момент, когда произношу и пишу эти слова: 19 марта 1994 года. В прежние времена такая подробность была бы несущественной, но теперь события в России столь стремительны и непредсказуемы, что крайне важно зафиксировать момент, когда мы о них рассуждаем. И хотя передача моя открыто аполитична, и я старательно избегаю в ней всяких политических тем, но именно с политики я хочу начать.

Дело в том, что мы сейчас переживаем период становления наивной демократии. Наивной потому, что было бы странно ожидать появления иной демократии в стране, где тоталитаризм был всегда — от татар до большевиков. В такие периоды, и не только в России, всегда возникает «эффект шамана». Если, например, мы вспомним события 17-го года, то ведь не случайно тогда к власти приходит не умнейший Милюков, не взвешенный политик князь Львов, но достаточно ограниченный Керенский, обладавший, однако, даром яркой, наглой, а главное, безудержно агрессивной речи, которая необычайно нравится толпе, недавно проснувшейся для политической жизни. «Эффект шамана» — это первобытность, уверенность, экзальтация и обещания. Но в России сей персонаж — все-таки калиф на час, ему не стать диктатором, как не смог им стать Керенский, или куда более блистательный Шаман Троцкий. Россия — это все-таки Византия, это величественность, основательность, и стать надолго диктатором в ней не может фонтанирующий говорун. Но может стать медлительный, малоречивый «хозяин». Нынешнее время, перефразируя название моей пьесы — «театр в ожидании Хозяина». И сим ограничимся.

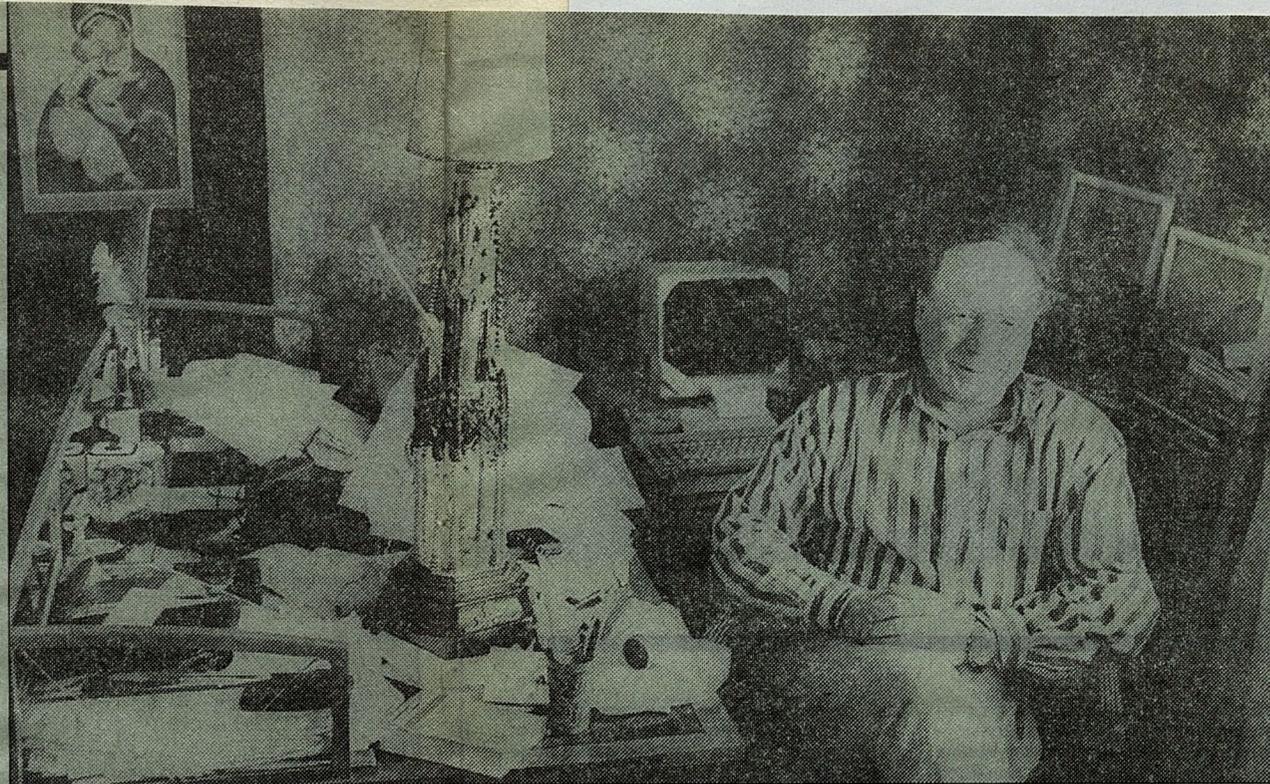
Но политический театр — это агрессивность, это ярость, это убийство души, это нелюбовь. И поэтому, делая передачу, я старался игнорировать его, «выключить» политический театр целиком. Человек умирает — я говорю о духовной смерти, — когда в нем умирает любовь. И главный смысл передачи для меня состоял в возвращении Любви — через те события и тех героев, о которых я рассказываю.

Впрочем, есть и другой мотив. Одна из причин крепости авторитарного правления в России — «коллективная совесть». Это явление предполагает отказ человека от личной ответственности, ответственность перекладывается на коллектив: партия велела, народ велел, царь велел... А я по натуре убежденный индивидуалист. И я решил делать передачу индивидуалиста — именно по

этому начал «Тетральный роман» с рассказа о себе. Я попытался рассказать историю человека достаточно злого и мрачного, о котором говорили: друг он неважный, но враг — во! — и которому Господь дал возможность встречи с поразительными персонажами, такими, как Сократ, Лунин, Николай II, — и как эти встречи постепенно его меняли. Это история о пробуждении Любви в человеке, пытающемся преодолеть свою сутелливость, эгоизм, завышенную самооценку и обрести иронию по отношению и к самому себе, и к миру. И поэтому любимая формула Анатоля Франса «ирония и сострадание» кажется мне очаровательной.

И третье, почему я начал вести передачу на ТВ. Россия — это страна «непросвещенного абсолютизма». В ней необразованность всегда считалась у власти синонимом лояльности. Формула «горе от ума» или, точнее, «горе уму» — это наша формула. Поэтому я в свое время пытался писать пьесы о Сократе, о Сенеке, так называемые интеллектуальные пьесы. И в этих пьесах, и в передаче я пытаюсь обращаться к «высоким мыслям». Мне хотелось объяснить, что самые важные слова генсека N на трибуне партсъезда или г-на N из парламента можно (а порой даже и нужно) забыть, а размышления Сократа забывать не стоит. И еще: передача наивно-романтична. Как писал поэт XIX века: «Пусть князя нет, и стен не существует, Поэзия лишь глупости одне? Лжешь! Ярославна каждый день толкует В урочный час на городской стене».

А теперь позвольте отступление: несколько слов о нынешнем языке. Конечно, можно объяснить появление мата на экране, на сцене, в литературе. Мы жили в ханжеском гонимом, регламентировавшем все и вся. И когда возникло первое ощущение свободы, люди захотели быть свободными во всем. Но если во времена застоя мат воспринимался как вызов, как борьба с ханжеством (и я, кстати, этим увлекался, в моей пьесе «Обольститель Колобашкин» было много скрытого мата), то сейчас ситуация совершенно иная. Это ужасно, но мат становится все чаще нормальным языком улицы. В деревне ребенок разговаривает матом с бабушкой. И теперь, когда мат начинает звучать с телеэкрана... да, это величайшее зло, это очень стыдно, и еще в этом есть убогий провинциализм. Я переписываю кое-что с кем из русских эмигрантов того, почти ушедшего поколения, которое покинуло страну после революции. И каждый раз, получая письма, написанные необычайно точным, божественным языком, я испытываю стыд за язык, которым сам разговари-

Драматург Эдвард Радзинский вышел на телеэкран со своей программой «Театральный роман», которая сразу обратила на себя внимание зрителей и критиков. Его монолог продолжают традицию, которая, имея вид пунктира, тянется от Ираклия Андроникова и Виктора Шкловского. Радзинского самого можно назвать «человек-театр», монолог для него — естественная форма существования, в чем не раз могли убедиться зрители.

СОВРЕМЕННОК СОКРАТА

Эдвард РАДЗИНСКИЙ

*Известия. — 1994. —
22 апр. — с. 10.*

ваю. Их язык — не тот богатый крестьянский, который пытается вернуть в Россию Солженицын, нет, это дворянский язык, язык Чехова.

И еще одна причина моего «романа» с телевидением. Как драматург я имел дело с очень маленькой аудиторией. В этом и радость, и печаль театра. Впрочем, раньше страна была погружена в мертвое молчание. И те 600 человек, которые приходили на спектакль, ментально делали его известным. Теперь — никакого эха, театр перестал быть властителем дум, он стал тем, чем является в любой стране: чаще — развлечением, реже — искусством. И я

испытывал... как бы сказать... одиночество, отъединенность от зрителя. И когда сел перед камерой и увидел ее светящийся глазок, был восхищен. Я чувствовал через этот глазок ту огромную аудиторию, которой всегда был лишен.

Тогда я и понял, что главное — НЕ готовиться к передачам, потому что всякая подготовка — подавление искренности. Все началось с ныне закрытого «Пятого колеса», когда я готовился к одной теме, а мне предложили другую. И внезапно я понял, сколь прекрасно, когда ты свободен от задуманного... Передо мной сидит редактор передачи Игорь Алексеевич Писарев, человек высочай-

шей образованности и безукоризненно-го вкуса. Но я обращаюсь не к нему, я его не вижу, однако немедленно чувствую, когда у него уходит внимание. Тогда я прекращаю съемку, встаю и ухожу из комнаты. Но это не значит, что я начинаю обдумывать, как и что говорить. Ни в коем случае! Моя задача — вернуть себе ощущение любви ко всем. Словами типа «вдохновение» это не объяснишь — получится наивно.

В этом смысле примером для меня был Виктор Шкловский. Я с упоением смотрел его передачи. Бессмысленно было пытаться уловить главную тему разговора. Его рассказ подобен атом-

ному распаду — через бесчисленные ассоциации он уходил все дальше от темы, все глубже — в тему. Ты был поглощен этим увлекательным процессом — следовать за мыслью.

Поэтому я не хочу, чтобы мне кто-то или что-то помогало в кадре, избразительный ряд в передаче минимален, несмотря на всю жажду моей группы сделать его более активным. И режиссер Владимир Захаров, и все они, люди искусства, и умеют, и знают, как это осуществить. Единственное исключение было сделано для передачи о княжне Таракановой. Вообще это странная история. Пожалуй, я был влюблен в эту женщину, что не совсем просто, ибо она все-таки жила в XVIII веке. И я пытался дать понять, что это не рассказ о делах давно минувших дней, что она, как и все ушедшее, продолжает жить среди нас. Люди лишь меняют одежды, но под одеждой Сократа, Нерона, княжны Таракановой — все те же мы. Человек изменяется значительно медленнее, чем ему кажется. Мы все живем в одно время: вы, я, Гильгамеш, и Екклезиаст, и Сократ...

Есть банальная истина: основной урок истории заключается в том, что люди не извлекают из нее никаких уроков. В чем же смысл возвращения к ней? Тысяча смыслов. Но один — прагматический: зная прошлое, мы можем порой понять, что с нами случится.

Идеально было бы, конечно, выпускать передачу каждый месяц. Но не получается в силу каторжной загруженности (я сейчас заканчиваю книгу о Сталине, начинаются репетиции моих новых пьес). Но так хочется продолжить передачу... Рассказать на телевидении о Риме, о странном и таинственном союзе величайшего убийцы Нерона и величайшего интеллектуала Сенеки. Собираюсь сделать очень важную для себя передачу «Усмири» — или «умири» — Россию» в связи с полемикой, возникшей вокруг названия моей книги о Николае II. Меня упрекали в том, что я неточно воспроизвел слова из дневника царя, написавшего не «усмири», но «умири». И я с радостью объясню, почему я именно так прочел дневник Николая.

Впрочем, я не знаю, осуществляются ли все эти планы. Ведь эта передача делается без спонсоров. То есть группа получает самые маленькие деньги и работает из нескольких странного ныне понятия — любви к передаче.

Хватит ли у меня беспардонности и дальше эксплуатировать эту любовь? Или лучше мне закончить эту передачу? Вот о чем я думаю все чаще и чаще.

Фото Сергея ИВАНОВА.